

Денщик. Ги де Мопассан

Кладбище, переполненное офицерами, напоминало цветущий луг. Красные штаны и кепи, золотые галуны и пуговицы, сабли, аксельбанты штабных, нашивки егерей и гусаров пестрели среди могил, среди белых и черных крестов, которые, казалось, жалобно простирали руки, железные, мраморные, деревянные руки над исчезнувшим племенем мертвецов.

Хоронили жену полковника де Лимузен. Два дня тому назад она утонула во время купания.

Заупокойная служба кончилась, духовенство удалилось, а полковник, поддерживаемый двумя офицерами, продолжал стоять над могилой, в глубине которой ему все еще мерещился деревянный ящик, заключавший в себе уже разлагающийся труп его молодой жены.

Полковник был старик, высокий и худой, с седыми усами; три года тому назад он женился на дочери своего товарища, полковника Сорти, которая осталась сиротою после смерти отца.

Капитан и лейтенант, на которых опирался их командир, напрасно пытались его увести. Глаза его были полны слез, он мужественно сдерживал их, тихо шепча: «Погодите, погодите еще немного»; у него подкашивались ноги, но он упрямо оставался у края этой ямы, казавшейся ему бездонной пропастью, куда канули безвозвратно его сердце и жизнь, все, что было дорого ему на свете.

Тут подошел генерал Ормон, взял под руку полковника и почти насильно увлек его, говоря: «Ну, довольно, дружище, уйдем отсюда». Полковник послушался и возвратился домой.

Отворив дверь кабинета, он заметил у себя на письменном столе письмо. Взял его в руки и едва не упал от потрясения и ужаса, — он узнал почерк жены. На почтовом штемпеле значилось сегодняшнее число. Он разорвал конверт и прочел:

«Отец!

Позвольте мне по-прежнему называть вас отцом, как в былые дни. Когда вы получите это письмо, я буду лежать под землей мертвая. Тогда, может быть, вы сможете меня простить.

Я не буду пытаться ни растрогать вас, ни смягчить свою вину. Я хочу лишь рассказать всю правду до конца, со всей искренностью, на какую способна женщина, решившая через час покончить с собой.

Вы женились на мне из великодушия, а я пошла за вас из чувства благодарности и любила вас всем своим детским сердцем. Я любила вас, как любила папу, почти так же горячо; и однажды, когда я сидела у вас на коленях, а вы целовали меня, я невольно назвала вас «отец». Это вырвалось у меня произвольно, внезапно, от всего сердца. В самом деле, вы были для меня отцом, только отцом. Вы рассмеялись и сказали: «Называй меня так всегда, дитя мое, мне это нравится».

Мы приехали с вами в этот город, и — простите меня, отец, — я влюбилась. О, я долго боролась; почти два года, да почти два года, но потом уступила, изменила вам, стала погибшей женщиной.

А он? Вам не угадать, кто это. Я совершенно спокойна на этот счет; ведь среди офицеров у меня было двенадцать поклонников, всегда окружавших меня, и вы называли их в шутку моими двенадцатью знаками зодиака.

Отец! Не старайтесь найти его и не питайте к нему ненависти. Он поступил так, как всякий поступил бы на его месте; к тому же я уверена, что он тоже любил меня всей душой.

Но слушайте дальше. Однажды у нас было назначено свидание на острове Вальдшнепов — знаете, тот островок за мельницей? Я добралась туда вплавь, а он должен был ждать меня в кустарнике и затем остаться там до вечера, чтобы его не заметили. Не успела я встретиться с ним, как вдруг ветви раздвинулись, и мы увидели Филиппа, вашего денщика, который нас выследил. Я поняла, что мы погибли, и громко вскрикнула; тогда он, мой возлюбленный, сказал мне: «Плывите потихоньку обратно, дорогая, и оставьте меня с этим человеком».

Я поплыла в таком смятении, что едва не утонула, и вернулась домой, ожидая чего-то ужасного.

Час спустя, встретив меня у входа в гостиную, Филипп шепнул мне: «Я к вашим услугам, барыня, если у вас будет письмо для передачи». Тогда я поняла, что он подкуплен, что мой возлюбленный заплатил ему.

И действительно, я стала давать ему письма, все мои письма. Он передавал их и приносил мне ответные.

Так продолжалось около двух месяцев. Мы ему доверяли, как доверяли ему и вы.

Но вот, отец, слушайте, что произошло. Однажды на том же островке, куда я заплыла на этот раз одна, я нашла вашего денщика. Человек этот ждал меня и объявил, что донесет вам обо всем и выдаст наши письма, украденные и припрятанные им, если я не уступлю его желаниям.

Ах, отец, отец! Меня охватил страх, подлый, недостойный страх; прежде всего страх перед вами, таким добрым и так низко обманутым, потом страх за моего друга — ведь вы убили бы его, — а может быть, и за себя, почему я знаю! — я обезумела, растерялась, я надеялась еще раз купить этого негодяя, который тоже был влюблен в меня, — какой позор!

Ведь мы, женщины, так слабы, мы теряем голову гораздо скорее, чем вы. К тому же, если раз оступишься, то падаешь все ниже и ниже. Разве я сознавала, что делала? Я понимала только, что одному из вас двоих грозит смерть, да и мне тоже, — и я отдалась этому скоту.

Вы видите, отец, я не ищу оправданий.

И вот, и вот случилось то, что я должна была бы предвидеть: он брал меня насильно снова и снова, когда хотел, запугивая угрозами. Он тоже был моим любовником каждый день, как и тот, другой. Разве это не ужасно? Какая страшная кара, отец!

Тогда я сказала себе: «Надо умереть». Живая, я не в силах была бы вам признаться в таком преступлении. Мертвая, я осмеливаюсь на все. Мне оставалось только умереть: ничто не смыло бы моего позора, я была слишком запятнана. Я не могла больше ни любить, ни быть любимой; мне казалось, что я оскверняю всех уже тем, что подаю им руку.

Сейчас я иду купаться и больше не вернусь.

Это письмо, обращенное к вам, отправлено моему любовнику. Он получит его после моей смерти и, не распечатав, доставит его вам, выполняя мою последнюю волю. А вы — вы прочтете его, возвратившись с кладбища.

Прощайте, отец, мне больше нечего вам сказать. Поступайте, как сочтете нужным, и простите меня».

Полковник вытер вспотевший лоб. К нему вернулось вдруг все его хладнокровие, никогда не изменявшее ему в дни сражений.

Он позвонил.

Вошел слуга.

— Пошлите ко мне Филиппа, — сказал он и выдвинул наполовину ящик письменного стола.

Вошел высокий угрюмый солдат с рыжими усами и тяжелым взглядом.

Полковник посмотрел на него в упор.

— Назови мне имя любовника моей жены.

— Но, господин полковник...

Старик вынул из приоткрытого ящика револьвер.

— Говори, живо, ты знаешь, что я не шучу.

— Слушаюсь, господин полковник... Это капитан Сент-Альбер.

Едва он произнес это имя, как пламя опалило ему глаза, и он упал навзничь с пулей во лбу.

Примечания

Напечатано в «Жиль Блас» 23 августа 1887 года.